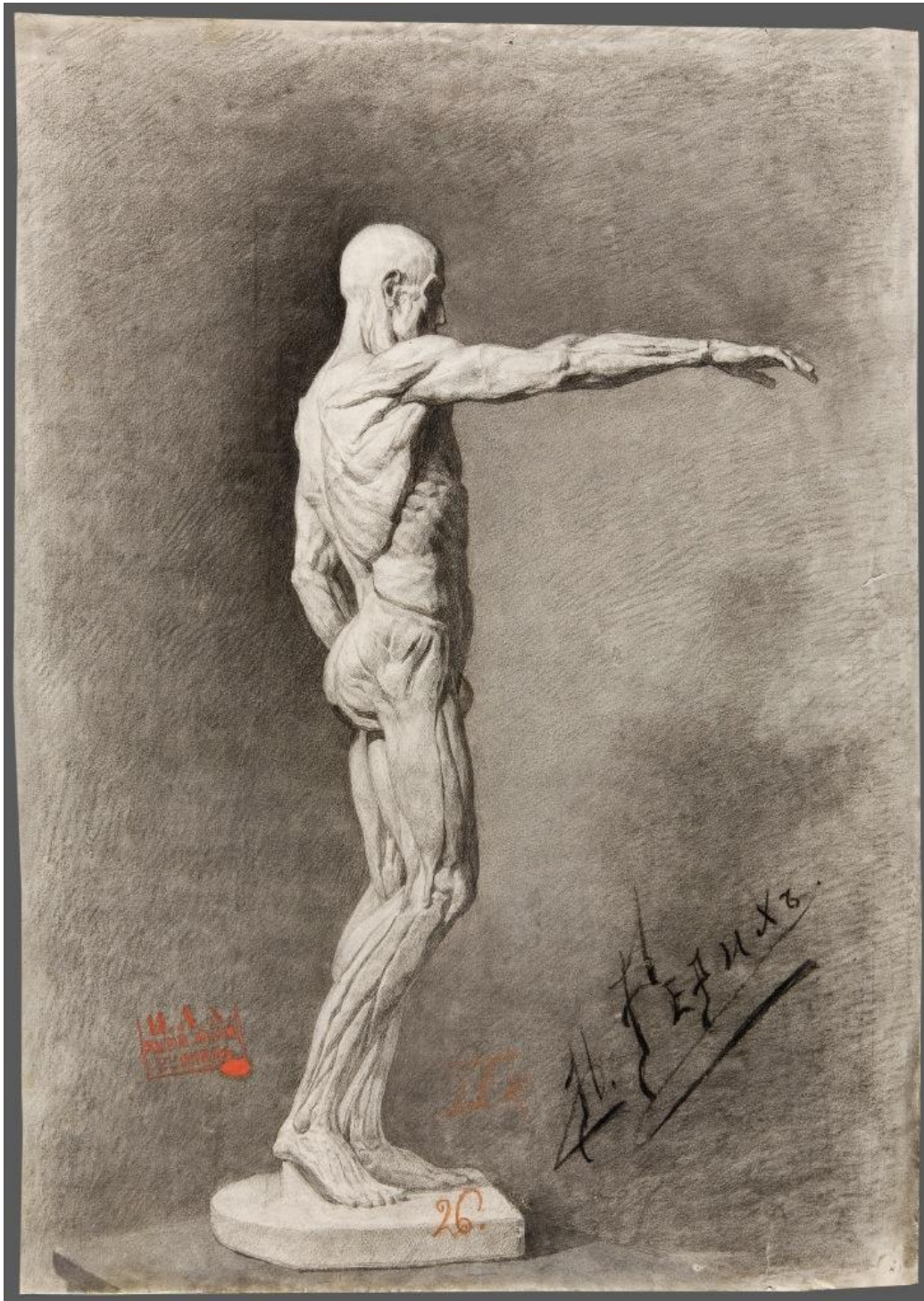

1894 год.

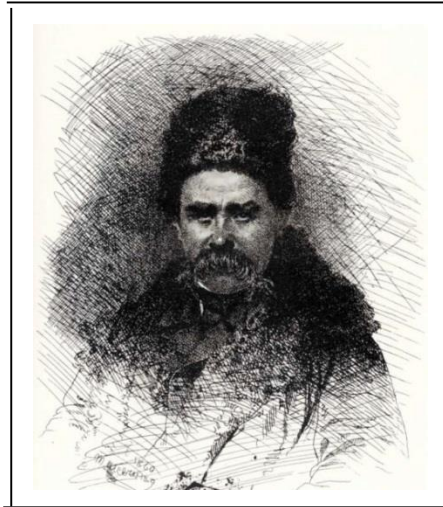
22 января 1894 г.

Н.К. Рерих. «Экорше». Анатомический рисунок. 1894.
Бумага, итальянский карандаш, уголь. 68,5 x 48,6 см.
Слева на. штампе дата: 22 янв. 1894 г. Справа подпись: Н. Рерихъ.

МАРТ

К 33-ЕЙ ГОДОВЩИНЕ ПАМЯТИ О ТАРАСЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ШЕВЧЕНКО [1894 Г.]

Автопортрет Т.Г. Шевченко. 1860.

Записка М. Микешина об устройстве поминок и празднеств в память о Т.Г. Шевченко.

С разрешения высшей власти. Организатор и распорядитель устройства поминок и празднеств в память поэта-художника «Т.Г. Шевченко»

Художник *М. Микешинъ*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1007, 1 л. [1894 г.]

[1 марта 1894 г.]

Письмо М.О. Микешина к Константину Фёдоровичу Рериху

Мы слышали, что в зале Павловой, (по Троицкому пер., 19) вечером в Воскресенье, 6 Марта, Художнику М.О. Микешину, разрешено устроить грандиозное торжество, в память Т.Г. Шевченко в 33-ю годовщину памяти по этому симпатичном поэте-художнике.

Нам передают, что поминки будут необыкновенно интересные: малорусский хор чуть ли не в 70 голосов, и соло многих артистов и артисток с отличным ужином, тостами, речами и пр.

Кстати говорят и об основывающемся здесь обществе имени этого поэта-художника – с благотворительно-образовательными целями; что устав уже выработан и начаты хлопоты о его утверждении.

Билеты для посещения поминок 6-го Марта, можно получить в конторе г. Нотариуса К.Ф. Рерих, что на В.О., на Набережной, против Николаевского Моста. Число билетов ограничено.

Коли одобрите, друже К.Ф., то я, по возвращении мне сего, напечатаю в новостях.
Дружески жму Вашу руку

М.М.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1006, 1 л.

АПРЕЛЬ

14 апреля 1894 г. Петербург.

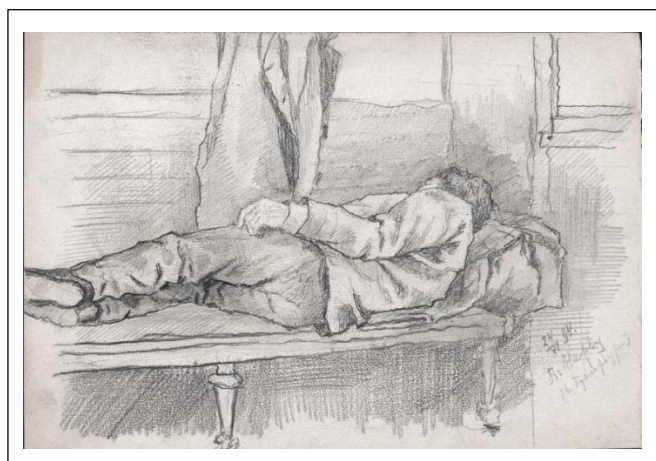
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Пб. 14/IV 94 г.

Опоздал я немного, дорогой мой, с письмом относительно экзамена. На экзамене рисунки были довольно паршивые (разве исключая большого рисунка натурщика Малявина), вероятно, из-за отсутствия моего и Вашего рисунка. Мне тоже не пришлось подать его – начал очень хорошо, все очень хвалили, наверно, в первую бы категорию нажарил – да заболел, и доктор засадил на 2 недели в комнату.

Кучеренко, бывший 1 №, получил № 22 II кат, а 1 № как-то совсем незнакомый – не помню. Многие из наших дам опять впереди оказались – повезло им!

Вчера вернулся с охоты – на 3 дня в деревню ездил: ну, убил порядочно и наслаждался картинами ночи весенней. По дороге набросал 2 любопытных этюда в вагоне (и пассажиров).

Н.К. Рерих. **В вагоне.** 1894. Этюд.

Экзамены университетские на носу, а занимаюсь не ахти как! У меня почему-то сложилось убеждение, что непременно провалюсь; впрочем, поживём – увидим. Теперь больше писать не буду – всё-таки позубриваю. Надеюсь, черкнёте Вы мне как-нибудь, что Вы поделываете, как время проходит, как доехали. Да, в Академии теперь совсем пусто – народу мало, рисунков совсем ничтожное количество представляют.

Эх, много бы ещё хотелось написать, да нету времени – уж лучше, когда порешу с экзаменами. Жду Вашего письма. Желаю от души всего лучшего. У Мих[аила] Осипов[ича] был и передал Ваше поручение, всё хорошо обошлось. Преданный товарищ

Н.Рерих

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга,
ф. 698. Оп. 1, № 19.

20 апреля 1894 г.

Письмо Л. Антокольского к Рериху Н.К.

Вильна 20/IV 94

Любезнейший друже и товарищ!

Весьма и весьма я благодарен вам за ваши реляции об экзамене. Вы единственный, который оправдал свои обещания и, конечно, такие вещи не скоро забываются. Будьте уверены, дорогой Николай, что за всё время нашей будущей жизни сторицей воздам вам за это одолжение. Знаете, сидя здесь почти на лоне природы (а природы у нас здесь очень много, когда-ниб. я вам подробнее опишу её), я поневоле временами переносюсь в далёкое будущее, когда мы, быть может, совместно с вами, как с братом по художественному отцу, будем творить действительно художественные произведения.

Жалко, однако, что вы на первый раз немного поскупились, меня чрезвычайно заинтересовало то обстоятельство, как я узнал от одного академика-конкурента, прописавшего сюда позднее меня, что Новый Совет приступил к более активной деятельности, обошёл мастерские конкурентов и наметил целый ряд коренных реформ в деле устройства этих мастерских. При существовании французской поговорки *Qui vivra verra*, [*Поживём – увидим (фр.) - ред.*] я, однако, пламенно желал бы от вас именно узнать, в чём собственно заключаются коренные реформы и поскольку они действительно отвечают потребности.

Что касается меня, то я пока ещё ничего не сделал, вы скажете, может б[ыть], - Бог лениться не велит, или не следует откладывать на завтра и пр. И это, с одной стороны, будет и справедливо, а с другой – как будто и не совсем справедливо. Дело в том, что приехал я сюда как раз к началу нашей ветхозаветной Пасхи, когда по законам запрещено заниматься каким-нибудь ручным делом (пожалуйста не улыбайтесь), а в особенности запрещено «делать изображения» (!). Конечно оставалось только делать визиты и ухаживать за прекрасным полом, который, кстати, здесь соперничает с самой природой, такие соблазны не могли не затянуться и до сей поры. Итак, я не далее как завтра, приступаю к работе, благослови друг!..

Не знаете ли, что с нашим славным запорожцем Стефаном Чуприненко, в Петербурге ли он или поехал на степь, ко Чёрному морю, на турку ходить или кралю-казаченку годуеть? Когда вы кончаете с вашими треклятыми экзаменами и что тогда предпримете?

Меня очень огорчает, что вы были больны и особенно в такую страдную для вас пору, а о том, чтобы выдержали ваши экзамены, я буду горячо молить «виленскую» луну, котор. так благосклонна ко мне. Надеюсь, вы не будете шокированы. Кончайте поскорее и тогда черкните мне по тому же адресу о ваших предположениях относит. лета.

Ну-с будьте здоровы, поздравляю вас со Светлым Праздником и целую вас троекратно по русскому обычаю: Христос Воскрес! Михосинчу [*Михаил Осипович Микешин – ред.*] не откажите при случае отвесить от меня нижайший поклон.

Искренно преданный и любящий вас

Леон Антокольский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/567, 2 л.

29 апреля 1894 г.

Н. Рерих

* * *

... «Нешто вы, барин, хотите кости покою лишать!
Только что́ нам за дело. Сопки заутро копать
Хочет, вишь, барин. Слышь, Нюшка, ты поскорей побежишь
Завтра кто с ломом, с лопатой или чтоб
Весь сход повестить».

Утром гурьбою весёлой к реке потянулся народ.
Всё веселится. Щебечут птицы. Высо́ко плывёт
Ястреб в лазури. Турлычет в мшаге журавль молодой.
За рекою все мхи лишь покрытые тощей сосёнкой кривой

Или березкой карельскою... Дальше – там лес вековой,
Словно прозрачную дымкой закрылся он синевой.
Сумрачен, грозен бормочет. Прочь! Стороной проходи
Знаю! Ты враг мой – погубишь... Лишь тебя в чашу пусти.

Вот и курган. Горделиво он над рекой возвышается.
Время щадило его... ну так люди стереть собираются.
Всё, чем веками природа холмик печальный убрала.
Всё беспощадно лопата по сторонам раскидала.

Мох, что́ могильные камни зеленю свежей покрыл,
Землянику и кашку; годами всё что́ росло истребил,
Погубил... И к чему? Но не время об этом теперь говорить.
Уж глубоко разрыли... Тут будем скоро кости теперь находить.

«Барин! ось глянь-ка! Медяшка! Парень весёлый сказал.
Это серьга была, взял я, холод в груди пробежал.
Чьею была ты? Веками мирно лежала в земле,
Да судьба не судила в покое лежать и попала ко мне.

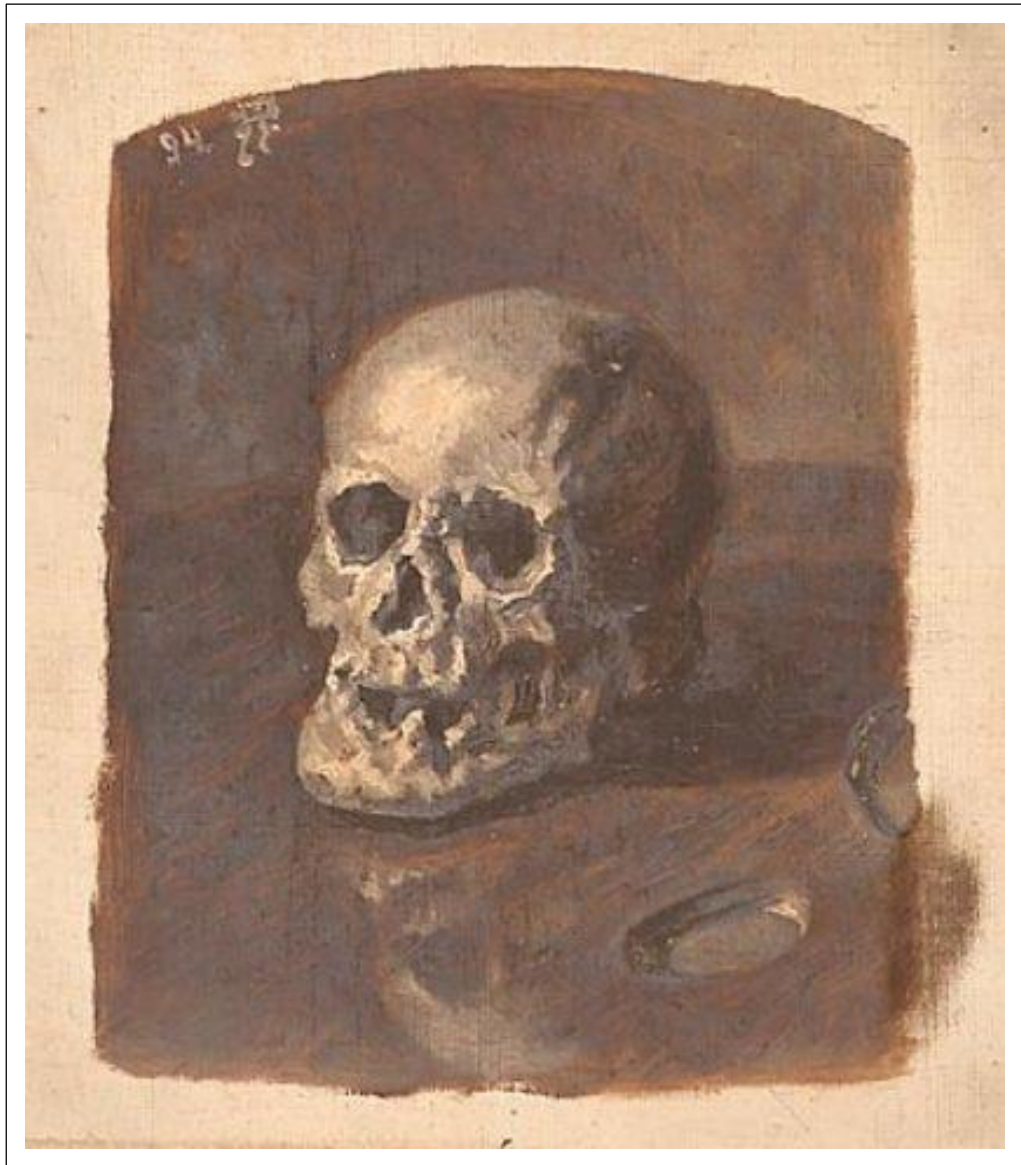
Вынули череп. Осклабясь, он на меня посмотрел.
Может быть тайну какую? Может поведать хотел.
Что ходили в минувшее время любоваться его красотой
Иль просил, чтоб рукою жестокой не тревожил его я покой

Может быть... Эх, я не понял, что́ он пытался сказать
Вспомнилось только, что скоро буду и я так лежать.
Лишь когда и какая лопата на меня накидает земли
Кто ж разроет ее и кто вынет пожелтевшие кости мои.

29 / IV СПб.

Черными чернилами записаны годы: 93 – 94.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/53, л. 11.

И.К. Рерих. Этюд черепа. 1894.

*«Вынули череп.
Ослабься, он на меня посмотрел.
Может быть тайну какую?
Может поведать хотел...»*

[Апрель 1894 г. Петербург.]

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

«Воистину воскрес!»

Достойнейший друже, дорогой мой!

Спасибо, вечное спасибо за память.

Так будем же мы художественными братьями – обнимемся заочно и навсегда заменим Вы – Ты. Я, может быть, и поколебался бы раньше сделать этот шаг – но Твоё последнее письмо окончательно убедило меня в том, что Ты действительно друг, что Ты – брат, с которым можно поделиться невзгодой в трудную минуту и встретить сочувствие, которому можно передать радость и надеяться найти искренний отголосок. Ещё раз за всё говорю нерушимое спасибо и крепко жму руку Твою. Прочитав Твои вопросы относительно моих летних начинаний, я не мог усидеть за книгой и под предлогом ответить Тебе поскорее позволил себе хоть на время отвлечься и заглянуть вперёд. За лето, если всё будет благополучно, думаю нарисовать портрет Мих[аила]. Осип[овича] Микешина (нашего почитаемого батька) и затем написать большой исторический этюд (одна фигура), но какой – это моя тайна, которую никто не знает (кроме опять же Мих. Осип. Микешина, да и никогда, может быть, и не узнает, если этюд не удастся).

Для успеха этих двух работ мне бы весьма хотелось провести это лето в житии в деревне, но мои враги-доктора – гонят меня к морю (из-за катара и сердца, только не подумай, что тут начинаются дела сердечные). Не хотелось бы мне следовать совету врача. Экзамены университетские, вероятно, до конца не доведу – ей-Богу – надоело! Всё-таки скука порядочная. Должно быть, отложу на 2-й курс. Мих. Осип. Микешин хотел мне выхлопотать бумагу от Труворова о позволении производить изыскания и раскопки археологические. О реформах Академии умышленно ничего не пишу – там сам чёрт ногу сломит – да к тому слухи совершенно волшебные – должно быть, враньё. Когда узнаю положительное – напишу.

Наш щирный украинец Чуприненко куда-то пропал – уж давно не имею о нём ни слуха, ни духа. Може він уже сидит на высокой могиле на Украине, а может, кохается с какой дивчиной – не <...> не могу казати. Не могу понять твоего выражения, что и прекрасный пол соперничает в Вильне с самой природой – очень уж неясно, - поясни в следующем письме, которое, надеюсь, не замедлишь написать.

Всею душою предан Тебе и люблю Тебя – брата художественного. Пиши о Твоих работах.

Н. Рерих

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

МАЙ

Н.К. Рерих. Путники. [1894-1897].

«Так будем же мы художественными братьями – обнимемся заочно и навсегда заменим Вы – Ты. Я, может быть, и поколебался бы раньше сделать этот шаг – но Твоё последнее письмо окончательно убедило меня в том, что Ты действительно друг, что Ты – брат, с которым можно поделиться невзгодой в трудную минуту и встретить сочувствие, которому можно передать радость и надеяться найти искренний отголосок...»

(Из письма Н. Рериха к Антокольскому Л. 1894 г.)

5 мая 1894 г. Вильна.

Письмо Л. Антокольского к Рериху Н.К.

Вильна 5 Мая 94 г.

Дорогой мой, любезнейший друг!

Не знаю, удастся ли мне с достойной полнотой выразить в этом письме, как сильно тронули меня твои дружеские заверения. Я думаю – тебе без сомнения покажется понятным, что, живя здесь, на лоне природы и питаясь од-

ной только созерцательной пищей, так как и здесь, как и во всяком провинциальном захолустье, нет никого кроме Колупаевых и Разуваевых – то поймёшь, что в моём положении едва ли не самое незаменимое – это переписка с другом, деятельный обмен мыслей и впечатлений.

Я настолько верую в прочность установившихся между нами отношений, что заранее с наслаждением предчувствую, сколько приятных минут доставит мне эта желанная переписка с тобой. Я бы даже хотел, чтобы это стало известным нашему «щирому батьке» (как ты называешь нашего художественного отца). Читаешь ли, друг мой, отчёт о заседании художественного съезда.

Признаюсь, в самом деле, весь наличный состав наших худож. сил состоит исключит. из Каразина, Егорнова или Ге. Какой же это художеств. съезд! и какой тут праздник русского искусства!? Если, как пишут, отсутствие художников на съезде объясняется демонстрацией, то положительно становится стыдно за наших учителей. Мне приходит на память покойный Крамской – уж он, во всяком случае, не допустил бы до этого. Он скорее пожертвовал бы мелочной рознью художников ради идеи духовного единения их (художеств. артель, созданная им, лучшее доказательство этого, да и первая мысль о съезде тоже принадлежит ему). Если эта рознь – отчасти следствие статьи Стасова – «нужна ли рознь между художниками», то ему и обязаны устроители крайне неудачными результатами съезда.

Из вопросов, разбиравшихся там, мне наиболее симпатична мысль об устройстве коллективных мастерских для начинающих худож. Если я не ошибаюсь, то эта мысль принадлежит Ге.

О непрочности масляной живописи профессора Петрушевского – не ново, он уже много писал об этом (я читал его обстоятельную лекцию об этом) – удивляюсь, отчего он не указал каких-нибудь радикальных средств к устранению порчи живописи; зато он привёл сравнительную статистику употребляемых красок на палитрах различных художников и установил норму в количестве 10-12 красок – это, кажется, не ведёт к цели! - Но всего более меня возмутил доклад Каразина, основная мысль которого та, что не следует писать картин с натуры, и в этом случае черпать материал нужно только из колодца фантазии. Насколько это не поучительно – настолько же и не остроумно.

Погода здесь стоит великолепная. Небо почти южное, а солнце с утра до вечера не перестаёт обильными лучами заливать прелестные уголки здешних палестин. Город окружает со всех сторон целый ряд невысоких гор, заросших густым сосновым лесом, с одной стороны лес называется «зверинцем»; у подножья этого леса, расположенного также на горе, протекает Вилия, не особенно глубокая и широкая река с чрезвычайно живописными берегами. Хороша эта река при закате, когда на поверхности её отражается с одной стороны - густой тёмный лес, а с другой - небо, обложенное пламенем заката – тишина, прерываемая всплескиванием воды под лодкой. Я по природе своей не пейзажист, но, поверишь ли, дорогой мой друг, мне завидно становится, что пейзажист, изображая природу по большей части переживает сладкие минуты объективного созерцания. Нам, жанристам, или историкам приходится ещё ведаться с тем или другим анализом, который, конечно, исключает непосредственное чувство. Нам предстоит двойная работа, работа сердца и ума, тогда как пейзажисту остаётся только чувствовать.

Не могу сказать, чтобы я много успевал здесь, мне не достаёт в моём характере большой дозы спокойствия, для того чтобы не разбрасываться и не делать непосильных попыток взять сразу несколько редутов.

Я написал 2 этюда здешних церковных зданий (1 – собор св. Бернардина и 2 – Новодевичий монастырь). Ты спросишь, какое это имеет отношение к моему жанру? К сожалению, я не потрудился отдать себе в этом отчёт, помню только, что в одном этюде мне понравились строгие готические формы собора, и в другом – небо красиво гармонировало с монастырской оградой и кустами за оградой.

Кроме этого я пишу поколенный портрет моего отца в натуральную величину (40 x 18 в) – первая работа по величине, которую я когда-либо рисовал, или писал.

У меня здесь в доме отца есть большая комната, которую я приспособил для мастерской и в которой, вероятно, буду в течение всего лета писать и рисовать натурщиков в костюме Адама. Я надеюсь работать в комнате – 20 минут ходьбы и я уже в парке, ещё дальше, река, лес – всё это под рукой.

Здоровье моё в полном цвету, ем, пью обильно, дышу свежим здоровым воздухом. По вечерам при электрическом освещении лонирую без бинокля виленский прекрасный пол, приходящий, как и я, на музыку в «ботанический» сад.

На представительницах слабого пола остановлюсь подробнее. На мой взгляд, как я уже писал, некоторые из них настолько хороши, что гармонируют вполне с красивой природой, и как эта природа лишена грандиозности и строгой красоты, так и её обитательницы отличаются далеко не классической красотой, Венеры тут также редки, как и на Сенной в Петербурге, но зато их наружность привлекательна необыкновенно и они волнуют душу осмысленностью и содержанием своего лица, пышащего здоровьем. Виленская девушка при значительной доле женственности и кокетства, отличается, однако, чуткостью и отзывчивостью. Не думай, впрочем, что я пошёл дальше одних только беглых взглядов, и знакомых дам у меня не особенно много, а коротко знакомых и совсем нет.

Тороплюсь кончить, чтобы поспеть с отсылкой. Пожалуйста, дорогой мой Николай, побалуй меня более подробным письмом обо всех твоих делах и, в особенности, об экзаменах, которые от всей души желаю тебе довести до конца.

Пиши также о своём здоровье, советую тебе поменьше враждовать с пользующими тебя врагами, ибо если они тебя в Крым посылают, то и исполать им за это. Я, например, совсем не прочь посмотреть на Алупку, Судак и проч. Был в Одессе и не побывал в Крыму – как ты это назовёшь? Зато я успел побывать в Кишинёве и Херсоне и проехаться вверх по Днепру.

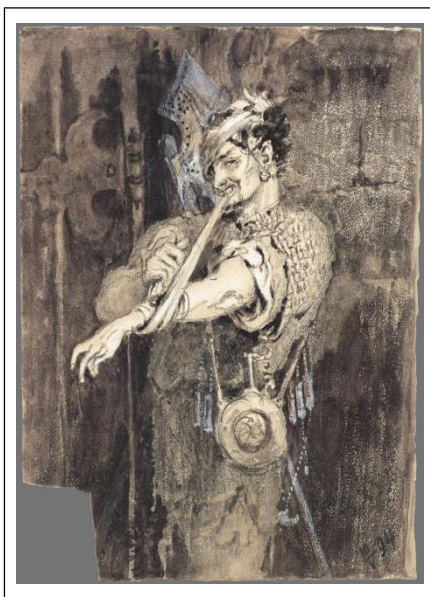
Ну, до свидания Коля, жму крепко твою руку и с удовольствием расцелуюсь. Всё-таки был бы очень счастлив, если б получил от тебя реляции о происходящем в Академии. Чуприненко с Федоровичем 1-го Апреля уехали из Петрограда, и до сих пор не имею никаких сведений о них.

Преданный тебе друг

Леон Антокольский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/568, 4 л.

10 мая 1894 г. СПб.

Воин, перевязывающий руку. 1894. Картон, гр.карандаш, акварель, 20 x 24 см.
Справа внизу дата: 10/V 94.

14 мая 1894 г. СПб. Университет

14/V 94.

Работая по отделу русского историческ. жанра я поставил себе первым делом задачей изучение родной археологии.

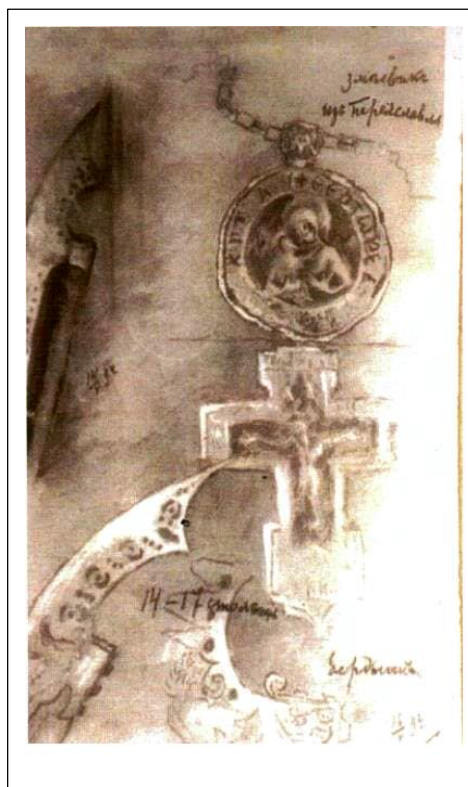
В прошлом году, собирая сведения, изучая древние памятники нашей С. П-бургской губернии, меня заинтересовали, между прочим, 2, по-видимому, археологические памятника. Оба они находятся в Царскосельском уезде на земле Изварской казённой дачи Царскосельского лесничества.

1. Курган, называемый крестьянами «Плитной горкой», приблизительно в 1 сажень высоты, весь накидан из мелкой плиты (~~е-многими-окам~~ с остатками раковин, моллюсков и др. окаменелостей) находится версты 4 от жилья, стоит на болотистой местности на берегу ручья. Принимая во внимание его глухое местоположение и ~~странную~~ плиту (с окаменел.), мне кажется, что это древний погреб. курган или же это одно из искусственных возвышений, пользующихся названием места жертвоприношений (в нашем уезде я знаю ещё одно искусственное возвышение, пользующееся такой же репутацией).

2. Крестьяне в прошлом или позапрошлом году на берегу речки Хмеленки «Серебряный ручей» нашли «сопку», которую сообщая и начали раскапывать. Под слоем верхнего дёрна оказался слой камней (мелких, какие бывают на речном дне), а потом шла накидная земля. В этой земле они нашли кусок дерева с ещё видными на нём как «зарубками» и, не поняв их, бросили ~~этот~~ ~~дере~~ кусок в реку, где его унесло течением. Далее они будто бы докопались до четырёхугольной плиты, но тут вода начала заливать яму, и они принуждены были бросить работу.

В виду всего вышеприведенного я имею честь просить....

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/44 л. 23.

Н.К. Рерих. Старинное русское оружие. Вверху надпись и дата: *Секира 14/4 94.*
Под одним из рисунков надпись: *Змеевик из Переяславля.* Внизу дата: *16/5 94.*

АРХЕОЛОГИЯ

«Серьёзные археологические занятия Рериха начались очень рано, ещё на университетской скамье. Уже с 1894 г. он производит ряд археологических исследований, в 1897 г. напечатан в “Новом Времени” его первый фельетон “О раскопках” и статьи в “Записках Императорского русского археологического общества”».

А.А. Ростиславов.

16 мая 1894 г.

Заявление в Императорскую Археологическую комиссию

Работая по отделу русского исторического жанра, я поставил задачей изучение родной археологии. В прошлом году, собирая сведения и изучая древние памятники древности в нашей С. Петербургской губернии, я был заинтересован между прочим двумя, по-видимому, археологическими памятниками. Оба они находятся в Царскосельском уезде, на земле Изварской казённой дачи Царскосельского лесничества.

1. Курган, называемый «Плитной горкой», приблизительно в 1 сажень высотой, если не больше; весь накидан из мелкой плиты (с отпечатками раковин, моллюсков и других окаменелостей); находится версты 4 в лесу от жилья, стоит на болотистом месте на берегу ручья. Принимая во внимание его глухое местоположение и плиту (с окаменелостями), мне кажется, что это древний

погребальный курган, или же это одно из искусственных возвышений, пользующихся известностью места жертвоприношений (в нашем уезде я знаю ещё более обширное плитное возвышение, пользующееся подобной репутацией).

2. В прошлом или позапрошлом году крестьяне на берегу речки Хмеленки нашли «сопку» «Серебряный ручей», которую сообща и начали раскапывать. Под слоем верхнего дёрна оказался слой камней (мелких, какие бывают на речном дне), а потом шла накидная земля. В этой земле они нашли кусок дерева с ещё видными на нём как «зарубками», и не поняв их, бросили кусок в реку, где его унесло течением. Далее они будто бы докопались до четырёхугольной плиты, но тут вода начала заливать яму, и они принуждены были бросить работу.

Ввиду всего вышеприведенного я имею честь просить Императорскую Археологическую комиссию разрешить мне произвести исследование этих 2 мест; причём обязуюсь представить полный отчёт о моих действиях, с приложением предметов, если что будет найдено, а также произвести все работы на собственный счёт.

Жительство имею:

Васильевский Остров, Университетская набережная. Дом № 25.

Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН, СПб.,

ф. 1. № 74/1894, лл. 1, 2. (Заявление датировано 16 мая 1894 г.)

(Публикуется по изд.: Петербургский Рериховский сборник, II-III. Самара. 1999.)

(См. черновик: ОР ГТГ, ф. 44/44, л. 23. Датировано: 14/V 94.)

16 мая 1894 г.

Н.К. Рерих. Растение. 1894. 16.V. 94.

21 мая 1894 г. Петербург.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Пб. 21/V <18>94.

Переезжаю в деревню, дорогой друг, - экзамены кончились. Пиши по адресу: Балтийская жел. дор. Станция Волосово. Мыза Извара. Н.К. Рериху.

Письмо напишу недельки через полторы – теперь отдыхаю.

Всего хорошего

Друг Твой

Н. Рерих.

Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

29 мая 1894 г. Петербург.

Письмо А.В. Скалона к Рериху Н.К.

СПб. 29 Мая 1894 год

Душа мой!

Наконец, получил я эту бумажку, ту, за которую бился 8 лет. Ощущение прекрасное, но сразу не чувствуется всей сладости этого события!

Дам тебе некоторый очерк тех обстоятельств, которыми было обставлено получение аттестата. 27-го был экзамен история, на котором у меня произошла такая же сцена, как у тебя у профессора: ставьте три! Затем, в 6 часов я уже был у нашей <Алкивиаде>. Там уже все были в сборе, кроме С.В. Мирошникова и нашей балаболки – Липовск. Наконец она явилась. Не стану описывать сцену ухаживания, скажу только, что дело кончилось полным опьянением всех участников.

Ещё теперь вижу, как Умнов, сидя посреди сада и склонившись на руки одного из близ находившихся приятелей, изрыгал потоки. Мы же с Ламановым, мирно прикорнув на песке, клялись друг другу в вечной любви.

Но на другой день <з...> - товарища передавали эту благородную сцену так: Ламанов пал костями; на нём, уткнувшись в почву, лежал твой покорнейший слуга, и оба, будто бы, громко воют! Не верю! В этом прибавляют, что подлая Шафере, притаившись у окна и видя эту сцену, от смеха, заболела коликами! Подозреваю, что это сущая неправда! К чести наших героев надо сказать, что всё кончилось очень мило: разошлись по домам в час, не позже. А вчера мы были у Ламанова: его родит[ели] - это простые и до крайности милые люди, радушные до крайности. Действительно: «не красна изба углами, а красна пирогами» вполне к ним подходит.

Вообще, я провёл это время очень мило и товарищи утешили меня тем, что никто (за исключением увы! <Калика>) даже не упоминают о грязных забавах известного сорта.

Твой А. Скалон.

Поклон Вашим АС

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1295. 2 л.

Н.К. Рерих. Прибылая лисица. 1894.

29 мая [18]94 г. Мыза Извара.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Мыза Извара. 29/V 94.

По Балтийской жел. дор. Станция Волосово

Наконец-то, дорогой мой, чувствую себя способным написать пару строчек. И я теперь тоже на лоне природы. Приехал с целью недельки 2 совсем отдохнуть – а вышло иначе. Сразу, как приехал, засел за работу. Написал 1 рассказ, нарисовал 3 этюдика и начал мазать мой большой этюд – только не знаю, будет ли из него толк.

Мои экзамены сошли вполне благополучно, я к одному успел подготовиться в 2 дня (500 стр.). Ты вот писал мне, что я, вероятно, удивлён, услышав о Твоих, не относящихся к жанру, этюдах, об этом я хочу высказаться. Я думаю, что если бы люди не были ограничены в средствах, а главное – во времени (*vita brevis est*¹), то в работе не ограничивались бы узкими специальностями, а захватывали как можно шире всё, как и даже мы стремимся. Тогда не были бы художники-специалисты, а были бы идеальные художники вообще. Но мы во всём ограничены, и потому, помня это, ввиду большой пользы для общества, *volens-volens*² должны заключать себя в более или менее узкие рамки. Если на дороге лежат 2 камня, один большой, а другой маленький, то, по-моему, лучше убрать с дороги несколько маленьких камней и спасти общественный экипаж от маленьких толчков, чем тщетно стараться над большим, и всю жизнь провести всё-таки без пользы. Всегда, по-моему, лучше двигаться по определённой дороге, раз уже намеченной, и даже если бы в середине и был виден сворот на более удобную дорогу, то уж не сворачивать, пока не дойдёшь до цели. Конечно, можно простить, если усталый путник свернёт в сторону, чтобы

---

¹ Жизнь коротка (*лат.*)

² Волей-неволей (*лат.*)

напиться или чтобы сорвать душистый цветок. Но если он забудет о том, что он шёл успокоить больного друга, и останется собирать цветы, как цель своего пути, то уже такой поступок непростителен – он потерял путеводную звезду. Если учёный, изобретая что-либо, воздушный шар, по дороге остановится и отвлечётся изображением подходящей шёлковой ткани, то это ничего, если даже он и увлечётся немного, но вот коли он бросится всецело на изображение тканей и забудет о шаре, да потом ещё перескочит на другую специальность, то он перестанет быть учёным и делается дилетантом. В первом случае он отдаёт долг своей любознательности, не упуская цели; а во втором – любознательность, страсть берёт верх; а ещё Платон говорил, что рассудок в голове должен быть, мужество – в груди и страсти – в нижних частях тела. Также и художник: отвлекаясь от своей специальности только минутами, не упуская главной цели из виду, - от отдаёт долг своей художественной натуре, и коль скоро основная цель ускользнула от взора, он перестаёт быть художником и делается всецело художественной натурой, и это мы даже сплошь и рядом видим на выставках. Конечно, кто будет стоять за узкую специальность, если бы отстранить ограниченность в средствах и времени? Но при данности положения дела только специальностью и можно оказать пользу обществу, не оказаться пустоцветом. Всё это, я сказал, не относится к Твоим этюдам! Ты писал, что на одном этюде стена монастырская, а ведь это для жанриста вещь необходимая, так что тут, мне кажется, Ты действовал для достижения цели, которая как неясное облако причудливой формы смутно подымается из-за дремучего леса, через который нам предстоит пройти. В этом лесу и тигры, и змеи ядовитые, и вредные растения ; одному по этому лесу трудно пройти – ведь тропинок нет, как раз заблудиться и уж тогда трудно выбраться на верный путь (но что трудно одному, то легко многим), и потому сформируем, брат, дружину и, запасшись щитом знания и копьем опытности, тесной македонской фалангой пойдём смело в лес, и тогда, быть может, по звёздам да по ветру, под охраной Бога и выберем на дорогу торную, яснее увидим цель и так, рука об руку. и пройдем до конца дороги, а в конце вижу – какая-то чёрная яма виднеется, - все туда придём...

В Академии какая-то ерунда происходит – ничего не поймёшь. Сперва все мастерские были запружены конкурентами, а теперь многие, говорят, разъехались. На днях Археологическая комиссия высылает мне открытый лист для раскопок. Просто беда – из редакции насаждают, требуют обещанных статей, а они ещё не переписаны, а иллюстрации ещё даже не сочинены. Надо, очевидно, работать, настроение у меня грустное, но об этом в следующем письме. Прости, голубчик, что пишу неясно и безграмотно, кажется, письма всегда пишу с налёту, быстро. Отвечай скорей. Я Твои письма сохраняю, и Ты мои – тоже. Осенью всё надеюсь собрать человек 5 и собраться толковать. Да, боюсь, Ты очень расписываешь виленских красавиц, скажу Тебе словами Медеи Фигнер, как она ответила одному знакомому художнику, когда он писал портрет её: «Meuseu, не соблазняйте мной и не увлекайтесь». Я Тебе то же скажу. Передавай Твой поклон щирому батьке М.О. Микешину. Какой он памятник Жанне д'Арк сочинил – чудо. Да его всё что-то обходят. Всего лучшего. Пиши и пиши. Люблю Тебя братски

Н. Рерих

Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

ИЮНЬ

10 июня 1894 г. Петербург

Письмо А. В. Скалона к Рериху Н. К.

10 Июня (Пятница) 94.

«Ну не свинья ли Ты !? Ну не подлец ли Ты?!» (Женитьба, Гоголя) «Ну кому удастся Тебя не бранить?» У «кого хватит духу Тебя не бранить?» (там же). Прочитировал, кажется, верно, и, кажется, кстати? Что за гнусное местечко в Твоём письме: "...Ясный намёк на то, что я стал Тебе в тягость..." Меня это не только удивило, но даже и огорчило несколько. Невольно хочется ещё раз повторить вышеприведенную цитату. Хочу думать, что это Ты написал так, зря, и потому – довольно по этому предмету.

Видишь ли, я сам не знаю, как это вышло с винным-то запахом! Я только констатировал Тебе приятный факт, не вникая в причины. Теперь брошу краткий взгляд на это почтенное увеселение. Вероятно, будь это не в столь приличной обстановке, как у <...Шафере>; не будь при этом Сергея Вас. и Александра Лаврент., мы бы не дошли до столь сладостного состояния. Напишу Тебе <тут> и ещё один факт, весьма глупый и имевший результат, диаметрально противоположный тому, на который рассчитывали. Итак, сначала: выпили столько тостов, в которых нельзя было не принимать участия, что всё сразу незаметно немного намокли. А потом подлая Шафере дала нам кофе, переполненного коньяком. Я и не подозревал, что переступил границу, но об этом напомнил мне Попов следующим образом: он подошёл ко мне, ласково посмотрел мне в глаза и, назвал Сашей, что с ним бывает только в нетрезвые минуты. Затем он стал открываться мне в дружбе, и я подумал: "Э, брат, да Ты изрядно дернул, но сейчас же заметил, что и сам от постоянных тостов чувствую себя грузным. И вот я умилился духом, сказал, что ужасно люблю всю их компанию и особенно (!) Ваничку Петрашени. Лёвушка трезвый (он, как хозяин, не пил), кажется, открыто запротестовал против моего признания. Я что-то вяло возражал и, должно быть, говорил вздор, не помню что. Но, в конце концов, Попов, этот истинный друг, сказал мне конфиденциально буквально следующее: "Саша! я тебя люблю, прямо скажу, потому что Ты человек способный (а?! на что бьёт); брось, брат, Рериха, он умеренный и аккуратный малый и нам (?) не по вкусу. Будь нашим другом". Это меня так приятно поразило, что я сразу протрезвился, засмеялся, сказал ему, что мы слишком выпили, чтобы говорить о деле.

3.

Набросились на "Курицу!" "От охотника всего ожидают". Неправда, таких глупостей никто не ожидал. - ...стаканчик, к счастью, дальнейшего успеха не имевший, ведь не все поймут эту фразу.

Не всякий знает, что Тебя тошнит от вида вина и не всякий питает такое отвращение к стаканчику перед началом охоты. Напротив, это издавна считалось почти необходимым. Вспомни старого графа в "Войне и мире", который ел запеканочку и заливал любимым бордо. И так думает большинство. Не следует <...истновать> на охоте, это другое дело! Предлагаю эту твою фразу непреренно выпустить. – Что задумал этот коварный художник в углу? Мы с Тобой знаем, что он задумал остроумную картинку на друзей, а <...--то> хвата-

ется за карман, где у него лежит бумажник! Множество лишних и не совсем удачных звукоподражаний и неслыханных возгласов: “благослови Владыко!” Никогда не слышал, “Ух! резнуло!” Некстати. “Гирр – Гирр, баут – баут!” Не эстетично! Далее странные выражения, которых никто не слышал и не знает: “восстанавливает трепет..” - схват. за пуговицу и допытает“(!) - не хочет <“до-видать”> (?) на весь вагон “глаголил”. Это уж верх совершенства. На каждом шагу встречается “други”, так что это даже надоедает.

Действия нет, связи, последовательности никакой. Вставлены неуместные рассказы про арендатора, про <польскую> актрису, про пісню гайдамацку (?), а это неинтересно ни для кого, кроме Тебя. В общем, скверно; советую продумать и переделать.

Надеюсь, что Ты не будешь в претензии, что я так беспощадно раскритиковал твоё произведение. Ты требовал совета, а не лести. А как же я могу похвалить следующие неестественные, выдуманные, вымученные звуки: “Сúдарыня барыня – ”Сúдарыня барыня.. Эх! – ма – а! – Твоё “Ух широко!” портит картинку и сбивает с толку читателя. Непременно хочу повидать Тебя и ещё поговорить об этой вещице. Мне очень будет жаль, если в печати появятся Твои подобные отпрыски. *А всё вредное влияние батька.* Он не учит Тебя лгать и быть неестественным! В Твоих первых сочинениях был Талант, а в этом его не видно, благодаря глупой манерности.

Прощай, дорогой друг, очень буду рад, если и впредь обратишься ко мне, не обидевшись за критику. От меня всегда можешь ждать искреннего, хотя и резкого, порой, отзыва

Весь Твой АС.

Кланяйся от меня Твоим родителям и скажи, что я никогда не забуду радушия, с которым был принят в Изваре.

Кланяйся Вашим. <Маковскому> посоветуй прочесть почтенный труд Макиавелли. Это ему принесёт пользу и даст некоторую гимнастику ума.

<...> АС.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1296, 4 л.

Н.К. Рерих. Девушки на берегу. [1894].

СТАРАЯ ШЛЯПОЧКА Старый берет

Скорее приспособлена к пониманию наиболее невинного возраста, т.е. по новейшим исследованиям, до отнятия не позже как во время кормления грудью (до произнесения первого звука).

В гардеробе театра большое движение: огромные шкафы настежь открыты, целые вороха самых разнообразных костюмов набросаны на широчайших столах, то и дело шныряют сторожа, говор и стук — завтра назначена продажа бракованных костюмов, отслуживших свою службу.

Но вы думаете, в запертых шкафах спокойно? Ничуть не бывало... там ещё суетливей, спор чуть до драки не доходит...

Там спорят костюмы между собою. Конечно, вам не услышать этого спора, на то не хватит человеческого уха, - (да и слава Богу, что не на все), и то оно подчас слишком много слышит. Ведь слишком хорошо известно, что всё имеет свой язык; пуговица кричит "чего вы щиплетесь?" - а вам только слышится шуршанье её о материю, панталоны, когда вы их натягиваете; солидным баском замечают: "этак и оборвать можно", а всем кажется, что они слегка затрепцали. Особенные же говоруны, это сапоги, мне даже кажется, не исправляют ли они место адвокатов (присяжных поверенных) в этой области. Царь небесный, чего только они не наговорят, другой так-таки и успокоиться не может все приговаривает, будто пискливым дискантом пищит "и я тут, и я тут"; а положительный сапог, этак в чине не менее статского советника, отчеканивает басом "почтише, почтише" "дорогу, дорогу" и такие иной раз разговоры затеяют, что... Да вы не верите? Так обратитесь к Мурлыке - коту, он неверно подтвердит это, а уж кому иному знать об этом

[Вот хотя бы послушаем один разговор]

Особенно жаркий спор происходит в шкафу, где костюмы солистов. Нарядный фронт итальянец толкнул нарядную даму француженку мрачного бандита и шепнул: "а ведь нашему старичку, не сдобровать!", но шёпот был не рассчитан и дошёл до [почтенного Гамлета], также до какой-то старушки (кажется, немки, впрочем, боюсь ошибиться, старушечьи костюмы слишком схожи между собою), а что становилось известным этой почтенной особе, то узнавали почти моментально все. Как она ухитрялась это делать, не знаю, но, кажется, она сообщала каждому порознь в виде секрета. Таким путём слух этот, как всегда бывает, достиг до лица, о котором снёсся итальянец с бандитом и весьма раздражил эту заслуженную особу, поседевшего на службе Гамлета (т.е., выражаясь проще, порядком выцветшего полинялого). Маститый старец не воздержался: "кой чёрт сказал эту глупость! Мне не сдобровать? Мне? Да знаете ли кто меня одевал?" Берет даже закачался на вешалке: "У кого я был на голове? Бог мой! Из театра на руках несли мою голову (тут немного слишком специальное выражение костюмов). Смотрите, с каким почтением глядят на меня. О, я ещё покажу себя! Я, я, я... бедный старик задохся кашлем, так что соседи сочувственно поддержали его, а чёрный доктор, крикнул: "воды генералу!"

Произошло маленькое смятение, все затолпились, чтобы помочь, но выходило, будто хотели друг за друга спрятаться. В то время, пользуясь общим смятением, какой-то придворный чмокнул субретку, а паяц, как и следовало ожидать, отпустил такое словечко насчет генералов, что более солидные только молча пожали плечами, [*2 строки зачеркнуты*] да не подумал бы кто о сочувствии к этой глупой шутке.

Генерала привели в чувство, и какой-то нарядный гвардеец с белым страусиным пером постарался рассеять дурное настроение старца, навеянное выше описанным инцидентом. Кругом опять зашумел оживлённый разговор; дамы мило сплетничали, военные говорили о политике, доктор, взявши нотариуса за пуговицу, доказывал о их взаимной пользе, поэт с меланхолическим видом уставился в самый потолок и наблюдал надзвездный мир... как вдруг дверцы шкафа отворились, "Выкинь костюм Гамлета за № 738", - раздался громкий голос костюмера.

Наш почтенный старец едва успел залепетать: "Милостивый Государь, Милостивый Государь, да знаете ли? вы... вы... вы", - как рука сторожа ловко сорвала его с вешалки и, при общем соболезновании, по воздуху перекинула на стол и, о ужас! - рядом с костюмом ~~факельщика~~ могильщика, могильщика, мужика могильщика, бывшего на плечах у выходного. Даже ярые ненавистники генерала и те зашуршали от негодования, а один муж, годами почти ровесник нашему старцу, [~~весьма заслуженная личность~~] только и мог, заикаясь, воскликнуть: "это, это я не знаю что такое".

Но тут дверцы шкапа закрылись, и все решили, что генерал был совсем недурной человек, только... и изложение этого только заняло добрых 2 часа времени, впрочем, все остальные о нём почтенного мнения.

Необходимо упомянуть, что во время происшедшего шума один пылкий молодой человек, как говорят, злоупотребил общим доверием в отношении своей соседки, к сожалению особы интеллигентного круга.

~~[С большим разбором следует вешать костюмы. Не доверяйте костюмам! Среди мужских костюмов]~~ большая разница в годах должна быть между соседями. (Не менее 50 лет, для некоторых же более ярких случаев и того мало).

Мой стальной кончик, называемый пером оказывается совершенно беспомощный для изображения душевных терзаний генерала, подлежащего одной участи с мужиком могильщиком...

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/43. Л. 17, 18. (Черновой вариант)

15 Июня 1894 г. Пельгора
Письмо А. Скалона к Н.К. Рериху

Пельгора 15 Июня 94.

«Обращай внимание не на дощечку, на которой написано письмо и не на почерк, а на смысл написанного!» (кажется, Цицерон?).

Из Твоего письма я заключаю, что Ты мой враг! Как же!

Сейчас плотно поел, лежу, отдыхаю, читаю Обломова; вдруг приносят письмо. Ну – узнаю по почерку. Ага, думаю, приятель, откликнулся! И с первых, почти,

строчек начинаю хохотать и так до конца. Я чуть не умер от колик и всё по Твоей милости. У Тебя в пере бес сидит. Но «всего в меру», как говорил негр, после того как ему засыпали сотню палок.

В меру и шутку. <Не> передав к телу.

Насчёт приезда «уж я сказал – буду стараться. Так буду стараться, что как только возможно». Папа денег мне, по всей вероятности, отвалит, тем более, что немного и надо. Сижу тут и жду высылки охотничьего билета, на который деньги уже выслал. Если приеду, то привезу: 5 ф. № 10-го, 5 ф. № 11-го ; фунта полтора пороху, 250 пистонов и по 200 пыжей тех и друг. Это всё готово. Кроме того, конечно, ружья и машинки. Далее: пары три штанов (одни приличные), сапоги (малые), сапоги (большие) и портки; Белья; Мелкие деньги. Всё кажется? А приехать к Тебе мне будет полезно даже и в геморроидальном отношении, как говаривал чудак Чичиков.

А потом, может быть, вместе поедем прямо ко мне, потому что:

Мне и брату моему на днях Тучков выдаст форменное разрешение исключительного права охотиться на его землях. Понимаешь? Из соседей, никто не будет иметь право сунуть нос. Кобель, не скажу, превосходен, но ходит. Сука – хорошая, пока у меня, но не ручаюсь за будущее. Земли масса - и болота и лесу за болотами. Но нам с Тобой надо будет поспеть к 15-му, чтобы похлопать <тетеревей>.

Болотной дичи не архи, как много, но об этом, правда, ещё немного рано судить. Рябчиков много. Не знаю, как тетеревей; видел только холостых. Уток, вероятно много будет. <...> масса. Я испытываю скуку, томление, злобу, ничего не делаю. Погода такая, что хоть из окна выброситься: никуда нельзя выйти. Ничего не делаю, только читаю. Попробовал Политическую экономию <рыжего> пса (чёрта точно), но такая скучища! Говорить ни с кем нельзя. С братом дела не идут – груб и деспотичен до свинства. Мы уже не раз крупно бранились. С Николаем Максимовичем жить можно. Но, к сожалению, у Них с братом исключительно разговоры о питиях (Ром уже привезли) и о (увы!) болезни половых органов. С радостью передают известие, что некто Лебедев заполучил какую-то пакость. И действительно – Слава Богу, по крайней мере, не приедет к нам на охоту. Миша <Камен..> настолько умён и понятлив, что не приехал, да, надеюсь, что и не приедет. Ох, Николай Максимович с душком – Ой! Он сидит рядом, пишет и ...ой! ой! Бросаю писать. Скажу просто: <Он и бр.. ... чёрного хлеба гр... или он ...> страшно портит воздух. Невыносимо!

Твой А.Скалон

А уступишь!

Мир праху. <Постеясь в царствии ... Небесное>. Хороший <был> человек. Меня спас на экзамене геометрии в 4 классе!

По крайней мере, остались ли хоть какие-нибудь средства?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1297, 1 л.

21 июня 1894 г.

Письмо - приглашение священника А. Румянцева для Рерих Константина Фёдоровича и Марии Васильевны на закладку нового Храма в Грызове.

Н.К. Рерих. Грызовская церковь. 1893-95.

**ПРИХОДСКАГО
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА
при православной
ГРЫЗОВСКОЙ ЦЕРКВИ.**

Июня 21 дня 1894 года.

Ст. Волосово, Балтийской жел. дор.

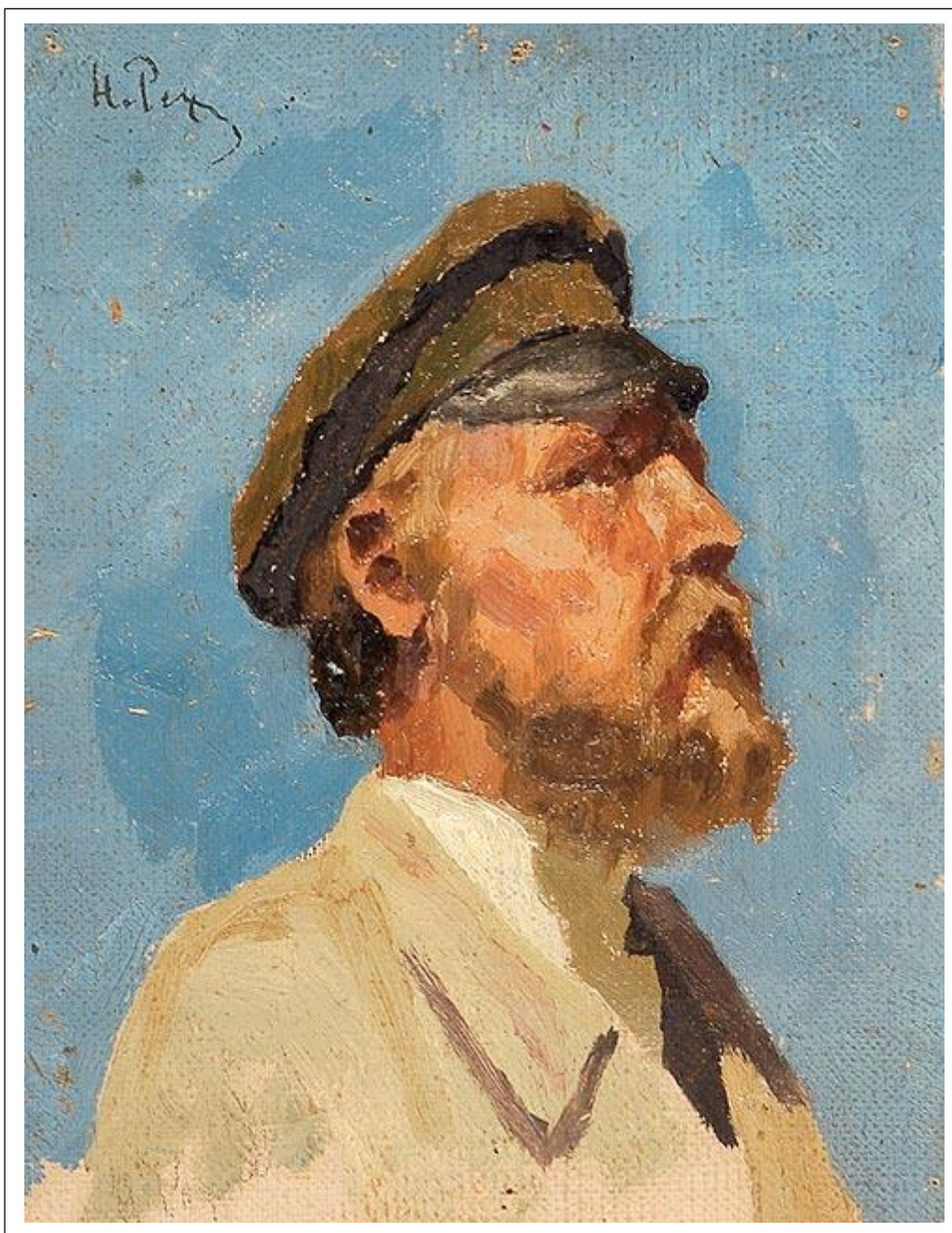
Милостивый Государь,
Многоуважаемый Константин Федорович и
Многоуважаемая Марья Васильевна!

Вы так много делали для нашего Храма Божия, надеюсь, что не откажетесь принять участие и в торжестве закладки нового Храма, имеющего совершиться 3-го Июля. Долгом считаю известить Вас о сём торжестве и сердечно прошу пожаловать.

Всегда уважающий Вас

Священник Александр Румянцев.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1259. 1 л.

И.К. Рерих. Портрет мужчины. 1890-е.

В вагоне. 1894.

Справа внизу дата и надпись: 24/VI / В Нарву (из Петербурга)

24 Июня 1894 г.

Письмо А. Скалона к Н.К. Рериху

Пельгора 24 Июня 94.

Изложу Тебе дела по порядку: сейчас получил письмо Твоё и над ним думал, и вот что надумал. – Ты говоришь мне выезжать 27-го. Рассмотрим насколько это исполнимо.

1) Сегодня 24; значит, должен писать, когда выеду, а между тем, папы всё нет и это даже меня начинает немного беспокоить. Мама пишет, что известий от него нет. Нам он писал, что 19-го выезжает на Самару, затем должен будет представить отчёт в Совет Крест. Банка. Тут он будет не ранее 30-го или 1-го. 3-его же день моего рожденья, и я не могу оставить его здесь в этот день. Это будет обида: мне ведь 20 лет стукнет, и потом он захочет праздновать окончание гимназии. Он меня не видал с начала Мая. Раньше его приезда я не могу получить денег. Мои 8 руб. у него, а брат, у которого хозяйство на руках, не даст мне, и совершенно прав, так как деньги не его. – Я думаю дожждаться папы и выслать Тебе 10 руб. – половину <...> чтобы быть спокойнее и ... чтобы, истратив деньги, попросить ещё на проезд к Тебе попозже.

А вот что: Когда приедет папа, я Тебя хоть телеграммой извещу. Теперь, на первых днях Ты сорви цвет наслаждений на озёрах и на болотах, а потом до 15-го махни-тко ко мне. 15-го мне придётся подать прошение, так что буду в <Питере>. Вместе бы поехали, а потом проехали бы к Вам. Если Тебе не нравится этот план, то предложи мне другой, а я пока связан по рукам и ногам. Зачем пишешь Тучков<ье>?! А? Скоро буду писать ещё.

Твой А.Скалон

Спешил писать, потому что брат сейчас едет в Питер...

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1298. 1 л.

27 Июня 1894 г.

Письмо Л. Антокольского к Рериху Н.К.

Вильна 27 Июня 94.

Дорогой мой друг!

Ума не приложу, никак не могу понять почему это ты не получил моего письма, я там столько написал, что вряд ли сумею снова то же самое изложить, что в том письме. Неужели оно пропало? Если ты мне сообщил тогда верно свой адрес, то я, кажется, не ошибся – я написал так: Студенту Рериху. Ст. Волосово Балтийск. ж.д. Мыза Извара. Может быть, я неверно прочитал, теперь посмотрев твои 2 письма в котор. есть адрес, читаю не то «мыза Извара, не то «Увара».

Если письмо где-ниб. затерялось, то ты, вероятно, его получишь, а то может быть уже и получил, а это было бы лучше всего.

Слышал здесь про картину Ползунова, котор. он написал для осеннего конкурса - «История падшей женщины»; фон – Невский проспект. Пишут мне, что Репин видел и пришёл в восторг – вероятно, что-ниб. особенное, мож. б. шедевр, котор. послужит началом его известности. Bravo, Ползунов!

Я никак не ожидал такого быстрого успеха его. Когда он был в Фигурном классе, я тогда только что перешёл и за 2-ю фигуру получил № 1; он получил № 2-ой. Вообще мне казалось, что я лучше его пойду, но судьба решила иначе - *sic transit gloria mundi*³, - а мож. б., я сам виноват в этом более, чем судьба, во всяком случае, я ужасно рад его успеху, дай Бог ему справляться с такими трудными темами как эта.

Мне уже и то нравится в нём, что он не остановился перед такой трудностью, это доказывает, что это большой корабль, которому предстоит большое плавание.

На днях читал в Новостях – состав нов. профессоров в Академии. Ты, вероятно, уже раньше меня знал. Меня, однако, очень удивляет, что ты так мало сообщаемь мне реляций о происходящем в Академии. Мне приходится ограничиваться сомнительными слухами. Пожалуйста, дорогой, будь настоящим другом, когда будешь в Питере, узнай у товарищей, какого рода экзамен мне предстоит. Если мне предстоит теперь и в сам. деле экзамен для поступления в Академию, то представь себе, что это, конечно, - вопрос жизни или смерти для меня; и при всем том, я ещё не знаю, что мне предстоит.

Как же подвигаются твои работы, напрасно ты так скоро отчаялся в успехе твоего исторического эскиза, работай, работай, голубчик мой, не покладая рук, дело твоё правое, а при твоём таланте всё зависит только от энергии и желания. Что же с портретом щирого батьки? Когда примешься за эту работу? Желая тебе от всей души успеха, старайся быть на высоте своего призвания, не падай духом от маленьких неудач, всякий то же самое переживает, от гениального художника – до последнего картинных дел мастера.

Что до меня, то по-прежнему звёзд с неба не хватаю, а если удастся написать хоть как-нибудь удовлетворительно этюд, то и этого с меня довольно. Впрочем, увидишь скоро, я уже 15-го августа выезжаю в Питер, и теперь не прочь был бы повидаться с тобою, если б это было возможно.

---

³ Так проходит мирская слава (*лат.*)

III

Ради Бога, Николай, выполни мою просьбу, тебе всё-таки ближе, когда узнаешь и напишешь мне, тогда в письме раза 2- 3 ½ поцелую тебя.

В том письме я ответил тебе по всем статьям: и о художественной специальности, и в особенности я распинался за твою мысль собрать кружок товарищей для собеседований. Скажу теперь опять, что эта мысль встретила с моей стороны самое горячее участие; если тебе принадлежала инициатива, то я наравне с тобою буду исполнителем. Ну-с, а теперь, addio mio carissime [Прощай, мой дорогой (ит.) – ред.].

Может быть, повидеешься с Мих. Ос. Пожалуйста, поклонись.

Пишу мало, потому что некогда, отправляюсь сейчас за город.

Жду с нетерпением известий.

Твой преданный тебе

Леон Антокольский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/569, 2 л.

29 июня 1894 г.

Письмо А. Скалона к Рериху Н.К.

29 Июн. 94.

Дорогой, приятный, сладостный, свинья <гнусная>, ну чего же ты опять вскип, рассердился и не пишешь? Если я Тебя и обманул немного, то мне это ещё неприятнее, чем Тебе. С собакой-то такое дело, что придётся покупать. Вот те будущих 25 руб. Ась!!.. Теперь шлю Тебе 10 руб., а попозже ещё пришлю 10. Вот уже и полсотни. Если пошлю Тебе собаку, то Михаилу Иван. Нужно иль денег, иль дар?

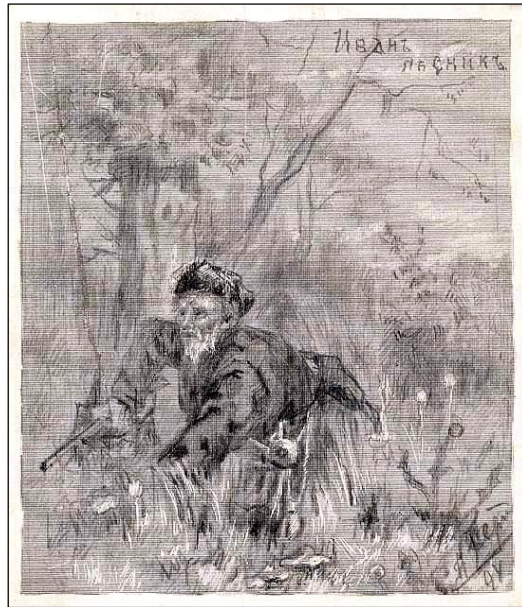
Я теперь чрезвычайно экономен и все сбережения намерен посадить в этот кружок. Я уверен, что Ты меня одобряешь. А, кроме того, папа приехал только вчера и сказал, что ему было бы невыразимо горько, если бы я от него убежал. <Ведь> я Тебе говорил, какие мы с ним друзья. Но Ты человек умный, или, по крайней мере, неглупый, и всё это способен взвесить; поэтому не стоит Тебе больше доказывать, что не могу прибыть.

Военные действия я начал 28 в 9 час. вечера. Мы с братом сходили на ближайшиe прудки в лесу и взяли целый выводок <чирков>. Он убил трёх, я двух молодых, и я ещё селезня старого. Сегодня с утра заигрались в лесу, и каюсь Тебе, взял трёх глухарей и, для очистки совести, - бекаса. Завтра иду на дупелей и на бекасей.

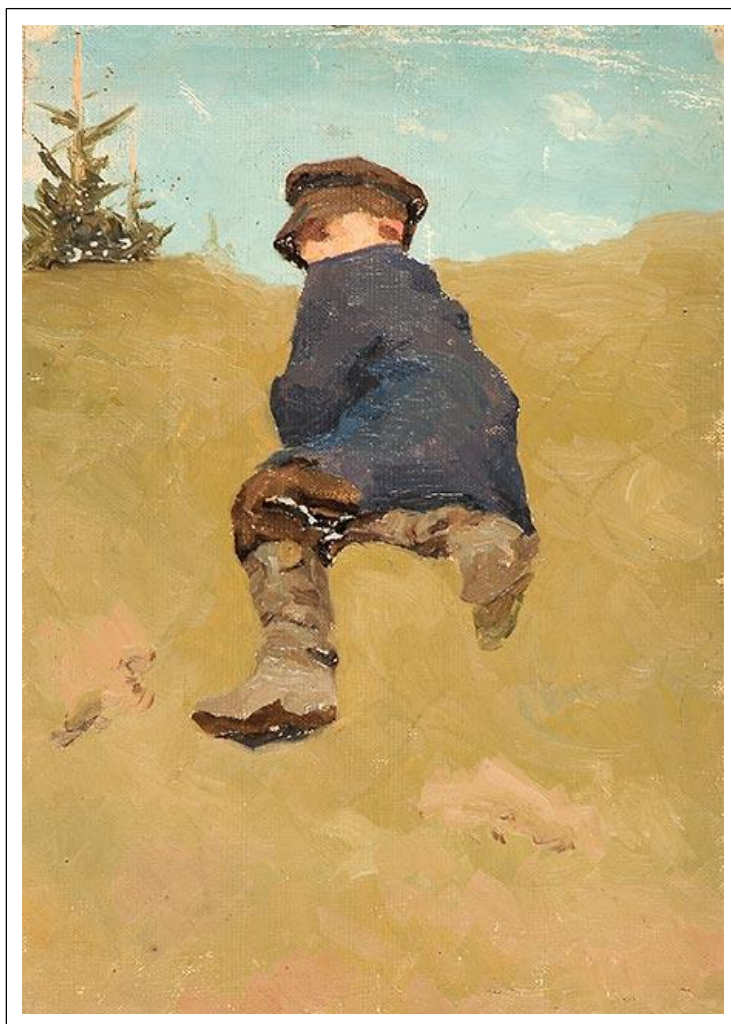
Прощай <душа>, ни шерсти Тебе, ни пера!

Твой и Твой А Скалон

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1299, 2 л.

Н.К. Рерих. Иван Лесник. 1894.

Н.К. Рерих. Эюд лежащего мальчика. 1894.

ИЮЛЬ

Извара 1 июля 1894 г.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Извара, 1/VII 94

Друже мой! Наконец-то получил Твоё письмо! Как я обрадовался! Вообрази, несмотря на наше сравнительно короткое знакомство, я так привык к Тебе, что чувствую потребность говорить с Тобой, тем более что знаю, с какой задумчивостью будут встречены мои слова. Твоё прежнее я не получил, к сожалению, оно пропало, придётся при встрече тронуть эти темы. С какою радостью читал я Твои пожелания Ползунову – эта радость за товарища одна, сама по себе, есть уже залог, что ты художник серьёзный, ставящий задачу лишь в пользу общества, глядящий вдаль, а не под носом. Спасибо, успокоил и обрадовал меня. Сегодня же пишу в Академию и ответ оттуда препровожу к Тебе. Если приедешь в Питер 14 Августа, то надеюсь, на денёк-другой приедешь ко мне – всего на 2 1/2 часа по железной дор. Тут бы мы окончательно выяснили наши взгляды и вообще серьёзно потолковали - вообще отвели душу. Предупреждаю, что каждый человек должен сам по себе, на основании своих взглядов, выводить известное суждение, а уж потом, для проверки и поправки его, обращаться к авторитетам. В незнакомом городе я лучше пойду без проводника, поплутаю немного, но зато остановлюсь везде, где хоть что-нибудь меня интересует, зато по дороге затрону много интересных видов и вопросов, нежели бы я шёл с проводником и путеводителем и смотрел только выдающееся, не останавливаясь на дороге. Мой путь сложнее и длиннее, но пройдя его, в результате получаешь что-то большое. Не так ли? Впрочем, на словах всё нужно подробно и ясно, а то тут не разъедешься, на бумаге-то.

Спасибо за строки о моём эскизе. Тема (кстати, рекомендованная и одобренная Мих[аилом] Осип[овичем]), хороша, по мне. Но можно бы взять немного иначе.

Теперь я кончил чёрную работу и, вероятно, до половины августа не трону дальше – ведь время ещё будет. Если бы Ты приехал в августе, мы бы побалакали насчёт эскиза. Беда в том, что я чересчур много вижу и сочувствую в сравнении с силами. Вот хочется, чтобы сквозь страдания от ран проглядывала радость, что родной город спасён, а выходит одно страдание.

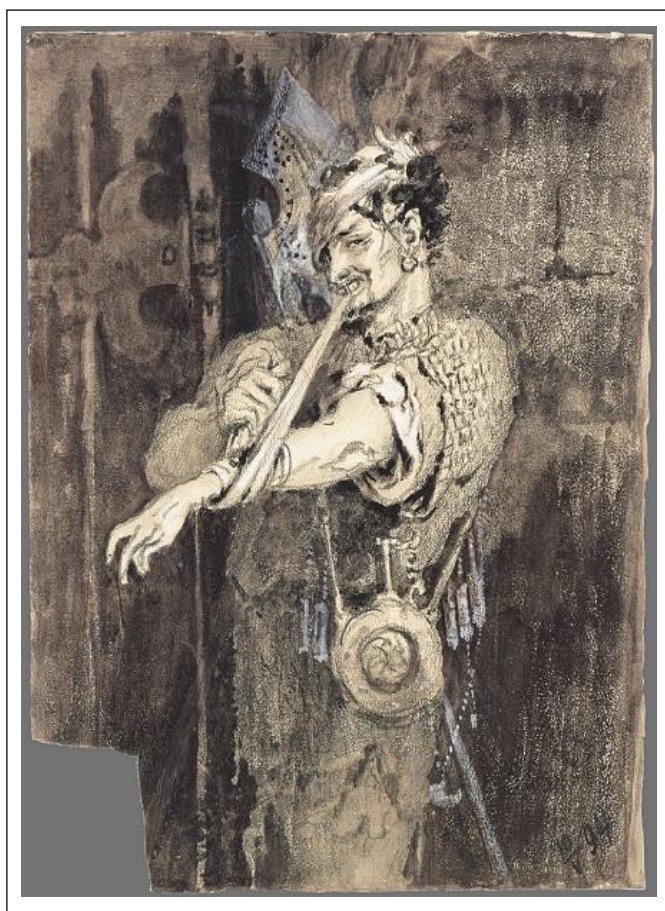
Названо будет «Псковской рыцарь. 1581». Общую мысль скажу на словах. Чёрную работу пришлось делать без натуры – надеюсь за сентябрь закончить по Академ. натурщику. Сделал тут несколько иллюстраций. В оригиналах некоторые весьма приличны, не знаю, как-то выйдут в репродукции. Жалко, если пропадёт воздушность. Пиши и пиши, каждое Твоё письмо перечитывается по несколько раз. Когда из Академии получу сведения, сообщу, надеюсь, за это время уже буду иметь Твоё письмо.

Твой преданный *Н. Рерих*

Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

Н.К. Рерих. Раненый шляхтич. 1894.

Н.К. Рерих. Пскович (эскиз). 1894. Бумага, карандаш. 30 X 24 см.

«Теперь я кончил чёрную работу и, вероятно, до половины августа не трону дальше – ведь время ещё будет. Если бы Ты приехал в августе, мы бы побалакали насчёт эскиза. Беда в том, что я чересчур много вижу и сочувствую в сравнении с силами. Вот хочется, чтобы сквозь страдания от ран проглядывала радость, что родной город спасён, а выходит одно страдание.

Названо будет «Псковской рыцарь. 1581...»

3 июля 1894 г. Пельгора
Письмо А. Скалона к Н.К. Рериху

Поверх основного текста поперёк, крупными буквами:

НА ПОЗДРАВЛЕНИЕ СПАСИБО

Воскресенье, 3 Июля 1894. Пельгора

<Почтенный>, я было уже начал не шутя сердиться на Твоё молчание, но сейчас получил письмо, успокоен и утешен. По-видимому, Ты понял, что мне следовало поступить так, как я поступил. Ну, я очень рад! План Твой я представил на обсуждение ареопагу семейному: отцу, брату и Ник. Максим. Они в один голос советуют Твой план исполнить, только ехать 15-го, а не теперь. Да теперь я и сам не могу отлучиться. Уток масса, а с хорошим ружьём ты знаешь, какое удовольствие их побивать! Бекасы меня мало тешат, хотя начинают появляться. Мы ходим вместе с братом, с одним кобелем и бьём и записываем сообща. До сих пор перевес решительно на моей стороне, вот наши записки в общ. итоге:

	Бекас - 4	
	Гаршнеп - 3	
	Чирок ст. - 11	} 16
	- " - мол. - 5	
	Коростель - 3	
	Крехков. селез. - 2	
Увы! Грех попутал до времени.	{	Глухарь - 4
		Рябчик - 1

Итого - 36 штук, а сколько ещё будем бить, только начинают появляться!

Промахов мы не обозначаем. Их немного. Только сегодня был позор: три раза стреляли по бекасам и по дупели, и всего три раза промазали оба. Кажется, я только убил дупеля, но в густых зарослях не нашли. Такая мазня у нас представляет лишь <детскую> случайность. У меня тут не без хороших дуплетов: дуплетом убил пару глухарей, сделал два хороших дубл. по чиркам и, наконец, дуплетом вышиб сразу 2-х серых и чирка. Братец мой, у которого не было больше зарядов, неистово рукоплескал.

Относительно кружка я Тебя <вполноличиваю>, значит. Если Тебе всё равно, то остальную десятку внесу в первых числах сентября, когда получу жалованье. Если надо раньше, то пиши не стесняясь. Понатужусь. А после 15-го, надеюсь, мы добудем тетеревей и ... и проч. Позаботься относительно избы для остановок. Интересно бы сразу с перв. случая там остановиться, а то боюсь стеснить Ваших: я все поприносил и приеду исключительно в военных доспехах, не совсем пригодных для созерцания. А, впрочем, это дело уж Твоё.

Я со своей стороны всё сделал.

Твой А.Скалон

Передай поклон всем Вашим, Маковскому.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1300, 2 л.

8 июля 1894 г. Извара.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Извара, 8/VII 94.

Друже! Не дождался ещё ответа из Академии, а уж не могу отказать себе в удовольствии ещё раз перекинуться с Тобою 2-мя словцами. Вообрази, голубчик, мне тут скучно! Да! Скучно в родном гнезде! Это я испытываю ещё впервые. Не знаю, что за причина. Должно быть, кругозор расширился и нужна жизнь! Дела масса, а ни за что приняться не могу. Написал этюдик головешки – погано! Понимаешь, хочется и того повидать, и с этим поговорить, и у того посоветоваться, душу отвести. А вместо их – лес и лес! Мне скучно, может быть, потому, что тут *polens-volens* моё самолюбие спит, некому здесь разбудить его. Оно-то ведь, каюсь чистосердечно, и разжигает всегда меня, подмывает, заставляет делать всё, что угодно.

Я самолюбив, и хоть моё самолюбие и доставляет мне много тяжёлых минут, но, в конце концов, я доволен на его обилие. Это такой кнут, такой источник энергии, что без него много чего нельзя было бы сделать. Впрочем, мне нечего говорить о самолюбии – ведь и ты самолюбив и всё сам чувствуешь. А только правда, самолюбие, вещь великая, известным образом направленное, может охранять и нравственность, и всё хорошее в человеке.

Теперь о кружке. Спасибо, что разделяешь мои мысли. Помоги мне выполнять, давай выполним эту задачу. Только тут необходим строжайший выбор. Люди все должны быть честные, хорошие, добрые. Должны быть далеки от зависти, этого разлагающего элемента. Чтобы в этом кружке было поменьше грязи, ведь и без того чересчур много подлости и грязи кругом. Числом не более 10, и десяток-то дай Бог набрать подходящих людей. Будем помогать друг другу развиваться, образовываться, расширять кругозор – что невозможно одному, то возможно многим. Художнику должны быть просто все специальности известны, должны быть известны стремления общественные.

Трудную, брат, дорогу мы выбрали, но всё же я предпочту быть средним художником, нежели специалистом по другим многим областям. Всё же его занятия чище, лучше, всё же искусство порождено лучшими, высшими стремлениями людей, тогда как многое другое порождено низшими, а то и животными стремлениями. Ведь лучше служить тяжёлым трудом, но делу хорошему, нежели несимпатичному. А кружок чем важен? Художнику больше, нежели всякому другому, приходится испытывать разочарования и также увлекаться. Кружок же добрых честных товарищей может наставить увлекающегося на пути истинные, может поддержать упавшего духом...

Если при отправке этого письма получу известие из Академии, то впишу в этот же конверт. Во всяком случае, перешлю при первой возможности. Теперь же дай обниму Тебя, пожелаю Тебе всего, всего лучшего. До свиданья. В августе, надеюсь, навестишь.

Твой, Твой Н. Рерих.

Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

12 июля 1894 г. Стрельня.
Письмо М.О. Микешина к Рериху Н.К.

Кажется, 12 Июля 1894 г. Стрельня, своя дача

Милый Коленька,

Я достал маленький заказец: иллюстрировать хорошенькую шутку «Царевич Май» (сказка любви) – и с увлечением её иллюстрирую.

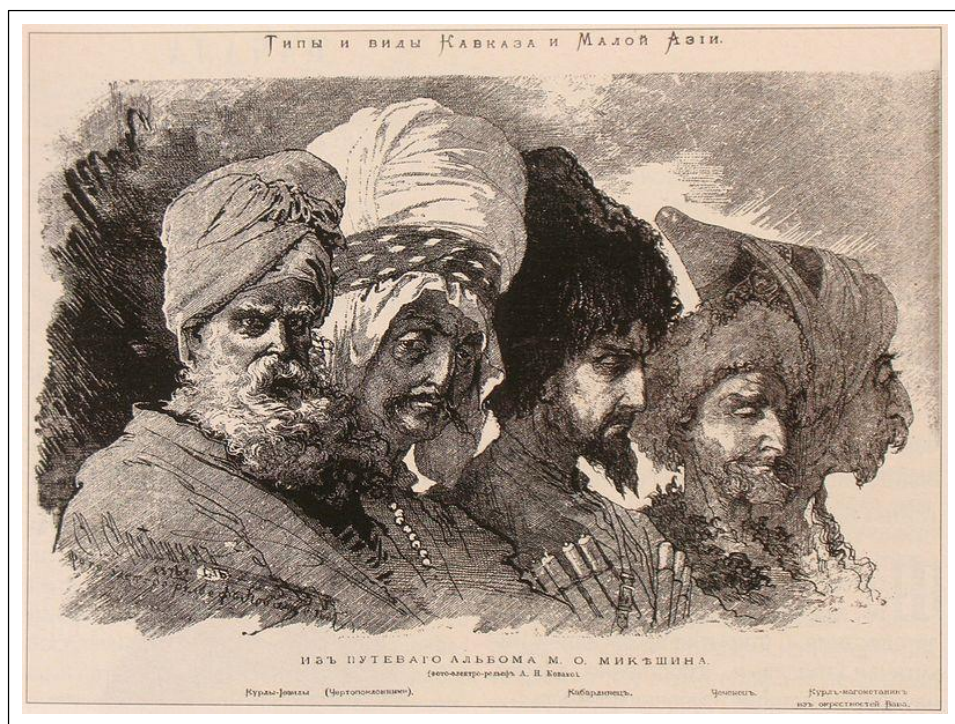
Чёрт меня дернул подать заявление Ген. Ад. Шереметьеву – начальнику всего Кавказа, о перенесении запорожских знамён, хранящ[ихся] в здеш[нем] Спасо-Приображ[енском] Соборе (всей гвардии), что на Литейном, близ дома <Марудия> - (знаете?), в Екатеринодарский войсковой Собор ...

Загорелось дело: по всему югу летают справки и разведки – где, что и как имеется из Запорожья?! И всю эту обузу, всю переписку Кубани с Одессой, Херсоном, Николаевым и пр. и пр., прислали ко мне, чтобы я хлопотал здесь, о возвращении всего Запорожского на Кубань, а денег на эти все хлопоты – не прислали, ещё это огромное дело для Кубани... Сообщу о последнем, что почём и на когда...

Целую Вас

М. Микешин

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/997, 1 л.

Типы и виды Кавказа и Малой Азии. Из путевого альбома М.О. Микешина.

[Июль 1994 г.]

Александра Скалона к Николаю Рериху (б/д.)

Дорогой мой, я уже слышу Твои возгласы исполненные негодования. Прости, но я не мог – буквально не мог писать Тебе всё это время. Теперь – слушай: Всё по порядку. Сначала рисование. Ты был почти прав, говоря, что я палец о палец не ударил за это время, однако:

I. 19 Июня я нарисовал наш дом и по дружной оценке «современников» (не беспристрастных к художнику, как это, впрочем, всегда бывает) – назначил 30 коп. Каково?

За мельницу ветрянную 19 Июн – 15 к.

За другую “ 19 же И. – 15 к.

За жасмин 20 Июн. 10

(но, право, он стоит больше)

II. 7-го Июля за церковь ----- 15 коп.

Шиповник 8 Июля ----- 15 к.

Пейзаж 19 Июля ----- 15 к.

Этюд овечьего пастуха 20 Июля -- 10 к.

Итого ----- 1 р. 25 к.

Вот Тебе подробный отчёт моей деятельности за это время.

2) Охота стоит слабо без собаки что-то 5-6 бекасов, пара дупелей Кроншнеп, 2 старых утки да пара Куликов. Вот и всё! Надеюсь на рябчиков: нашёл 2 выводка. В чаще промазал по <...> в лесу... Сегодня мне привезут пишки.

3) Теперь последнее и самое важное – это литература. Я всё это время думал об наших с Тобою начинаниях и пришёл к заключению, которое Тебя удивит. Вот моё мнение: не гонись за 2-мя зайцами, один из которых – литература, гроша медного не стоит. Плюнь на неё и отдайся всецело живописи.

Но Ты уже опять, я слышу, бунтуешь и кричишь. Всё это от того, что Ты не понял, что я хотел сказать. Дело в том, что в литературе Ты ничего нового не создашь. Ведь все твои произведения, хотя и очень хорошие для начинающего, но я уверен, что после одной-2-х действительно порядочных вещей, если и они-то ещё будут, у Тебя будет регресс – очень <...> что бы Ты не написал, у Тебя все будет повторяться либо один из известных писателей, произведениями которых Ты напитан, как-то – Гоголь, Тургенев, или будут повторяться собственные произведения.

Тогда как в живописи совсем другое дело. Ты можешь внести в неё совершенно «свой» элемент, избрать что-нибудь такое, чего другие не избирали: вот Шишкин, например, избрал лес (даже не весь, а хвою) и у него природа перешла на холст. Об нём будут помнить потомки. Избери в себе что-нибудь и направь на избранную часть все силы. Да не трать свежих сил на какие-нибудь шаблонные рассказы. Затем вот что, мой друг, если ты меня любишь, то приезжай хоть на 2 денька. Не с кем слово молвить. Берсенев - ничего человек, но такая тряпка, что из рук вон!

До скорого свидания. Ведь Ты для меня пожертвуешь 2 деньками охоты? Порисуем.

Твой А. Скалон

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1306. 2 л.

17 Июля 1894 г.

(ДОГОВОР А.СКАЛОНА И Н. РЕРИХА С КРЕСТЬЯНАМИ ДЕРЕВНИ «ЗАПОЛЬЕ»)

1894-го года Июля 17-го дня. Мы, нижеподписавшиеся, сельское общество крестьян деревни Заполье, Сосницкой Волости, Царскосельского уезда, предоставили исключительное право охоты на всей земле нашего надела, от 17-го сего Июля до 17-го Июля 1895 года, т.е. на один год, Студентам Императорского С. Петербургского Университета Г-ну Николаю Константиновичу Рериху и Г-ну Александру Васильевичу Скалону и лицам, имеющим от них *письменное разрешение* за собственную их подписью за ежегодную плату: *20 (двадцать) рублей или же 5 (пять) рублей деньгами и право драть ивовую кору в 1894-м году на, так называемом, Запольском Обрезе, земле, принадлежащей к мызе "Извара", находящейся между надельною землёю деревни Заполье, землёю, отданной поселенцам Запольского Обреза, землёю Государственных Имуществ Калитинского Обреза, и землёю надела деревни Леможа.*

Мы же, сельское общество крестьян деревни Заполье, обязуемся исполнять следующие пункты: 1). На землях нашего надела не производить охоты самим и следить, чтобы охоты не производили посторонние лица. Буде же кто-либо из нас крестьян деревни Заполье, встретит на земле нашего надела самовольного охотника, то обязуемся мы препятствовать производству им охоты на землях нашего надела и доносить об этом полевому сторожу при мызе "Извара", имеющему установленную бляху от Г-на Земского Начальника.

2). При требовании по истечении года возобновления аренды на следующий год Г-ом Рерихом и Г-ом Скалоном под охоту земельного надела у нас, крестьян деревни Заполье, обязуемся мы, крестьяне деревни Заполье, согласиться на аренду земли *на условиях аренды на 1894-й год.* Буде же мы, крестьяне деревни Заполье, не пожелаем согласиться на возобновление аренды, то обязуемся уплатить Г-ну Рериху и Г-ну Скалону 50 (пятьдесят) рублей неустойки.

3). Возобновлять эту бумагу мы, крестьяне Запольской Земли, обязуемся в продолжение 11-ти (одиннадцати) лет, ["на следующий год" считать действительными], считая от настоящего года.

Подписи:

*Федор Федоров
Тимофей Васильев
Иван Васильев*

[печать запольского
сельского старосты]

*Всю арендную плату 1894 год сполна получил
сельский староста. Павел Федоров*

Подписи: *Александр Васильевич Скалон
Николай Константинович Рерих*

Отдел рукописей ГТГ. ф.44. д.7. 2 л